

Автор представлен членом Художественного совета **Ларисой Морозовой-Цырлиной**

ПОНТИЙСКИЕ ФРАГМЕНТЫ. ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Я ступаю по хрусткой гальке. Галька взъерошена
шестибалльным вчерашним штормом. Волн кучеря.
Хризолитов и халцедонов светят горошины,
припасённые посеидоновым дочерям.

Завиток рапана разбитого ал и ярок.
Тёмной зелени томность. Есть на что поглазеть!
Молодой аквилон пасёт тонкорунных ярок
и полощет душу в индиго и бирюзе.

«Коля с Людой здесь были» – гласит граффити наскальное.
Мира вам, соплеменники!.. Здравствуй, великий Ра!..
Я бреду по берегу, занят богоискательством,
я ищу куриного бога в который раз.

Загорелый, поджарый, довольно-таки валидный –
я иду вдоль моря. Так мысли мои светлы,
так чисты стихии, что на небе звёзды видно,
а на дне – жемчужницы, стоит чуть-чуть заплывать.

Мельтешат золотишки, искринки с «Чёрного принца»,
вызревают икринки счастья в лёгкой волне...
Вот он, принцип духа в материи, Вечный Принцип!
И напрасно искать, где бы он явился полней.

Подмалёвок?.. эскиз... гениальный Рая набросок! –
этот мир пропитан волшебным живым огнём.
...Несомненно, сегодня мне встретится бог неброский
и глазком куриным приветливо подмигнёт.

СТАРИК

...Этот шаткий шаг при прямой спине,
и замявшийся воротник...

Плоскодонной лодкой на злой волне
по бульвару идёт старик.

Он гордится статью своих костей
и забытых женщин числом.

Он годится внукам чужих детей,
как верблюд или старый слон –
но не любит смех, и поборник схем,
и живёт, как велят врачи.

Он судья для всех, но на пользу всем
исключён из числа причин.

Он заспал грехи и счета закрыл.

Под неистовый стук часов
он с экранов цедит бразильский криль
через сивую ость усов.

...Этот серый день, этот день сырой
нахлобучил седой парик...

Бормоча порой, под морщин корой
по бульвару идёт старик.

Для него лучится с афиш Кобзон,
а с дешёвых листовок – вождь...

Он опять забыл в магазине зонт,
и поэтому будет дождь.

Облупленный зальчик, без трюфлей и мидий,
обветренный вечер, – и кто-то с тобой,
и славно живётся в просторной хламиде,
а рядом на сцене играет гобой.

Немного устало, чуть-чуть глуховато,
оставив за скобками прочий квартет,
дарует пришельцам печаль-модерато
и тему любви извлекает на свет
из чёрного щёголя с белым пластроном,
который сегодня угоден Творцу
и вот – исполняет в концерте гастрольном
мелодию жизни, пришедшей к концу...

Как длинно и больно, как сладко и жутко,
под слёзы на лицах, под ропот дождя
играет гобой, деревянная дудка,
из города Гамельна нас уводя.

СВЕРХНОВАЯ

Когда холодные циклоны почти утихнут над землей,
и станет мхом на южных склонах перегоревший рыжий слой,
замельтешат в пещерах крылья, покинет отмели отлив
уже с одной свинцовой пылью...

Когда, коросту соскоблив,
перетерев бетон на щебень в пространствах всех материков,
пойдет назад лиловый гребень тысячелетних ледников...

Когда из почв, насквозь прогорклых, из глубины, из черноты,
на остеклованных пригорках родятся странные цветы,
в кустарниках пролягут тропы, проснутся шорохи... Когда
в огромных кратерах Европы заплещет талая вода...

Когда в долине Потомака, встречая свой последний день,
разумная полусобака ударит кремнем о кремь, —
и задымит трава сухая, восторгом шкуру ознобя...

...тогда нависнет, распухая, распространяя из себя
испепеляющее пламя, слепящий смертоносный жар,
над океаном, полюсами, над вспыхнувшими волосами
непредставимо колоссальный
кошмарный ШАР.

Взлетит когтистая рука косым движением защиты —
но испарятся облака, и станут плавиться граниты...
И грянет огненная кара под рев вселенского пожара,
под треск континентальных плит.
За преступление запрета звездой убитая планета
кровавым паром закипит.

И станет мир пустыней снова, и из него исчезнет слово
на миллиарды лет вперед...
Когда в пылание Сверхновой вишнёвой косточкой багровой
Земля скользнет.

БАЛЛАДА ОБ ИМЕНИ*Солдатам и офицерам Плесеца посвящается*

Ты можешь словом заковать огонь?..

Хотя – не об этом речь...

Однажды прислали на полигон
летучую Рыбу-меч.

Солдатик-техник, из тех ребят,
ревнующих к небесам –
он имя подруги, её любя,
на корпусе написал.

И вот, дохнув огнём горячо,
блестя миллиардом свеч,
ушла в поднебесье крутой свечой
летучая Рыба-меч.

И снова секции головной
нацелили остриё,
и слово «Таня» белело вновь
на корпусе у неё...

И кто-то пришлый, из важных лиц,
настойчивый в мелочах,
на старт явился с проверкой-блиц –
заслушать и замечать.

Он был педант, и он приказал
следить неуклонно впредь,
чтоб так не баловалась «кирза».
А имя велел стереть...

При слове «Пуск» ухмыльнулся рок
одним из кошмарных рыл:
он вырвал ракете её нутро –
и кратер жерло раскрыл.

Шатнуло громом лесную глушь,
хлестнула заря за край,
и много мужских небезгрешных душ
отправилось прямо в рай...

Был новый запуск. Потом другой...

И милостив был Господь,
и был послушен теперь огонь,
спаливший живую плоть.

Но каждый борт непреложно нёс
способное уберечь
простое имя, что так всерьёз
присвоила Рыба-меч.

Игуана лежит, обдаваемая океаном.
Под гнездовьями птиц, не оставивших скальных пустот,
на уступе горы, утонувшем подножье вулкана,
на краю ойкумены из дикого туфа растёт.

Игуана лежит. Зародясь у Барьерного рифа,
разбивается вал, принося на крутых раменах
золотисто-багровое. Громоподобным редифом
мировой океан называет свои имена.

Игуана лежит на камнях. Орхидея заката
разгорается ярче и яростней. Вечность назад,
и сегодня, и, может быть, завтра – из брызг розоватых
на пылающий мир щелевидные смотрят глаза.

Далеко континенты. Природы цари и питомцы
заняты лишь собой, и посевом драконьих зубов
прорастает история... Но от громадного солнца
изливается встречная сила, тепло и любовь.

И пока этот остров лежит на груди океана,
а до гибели прежнего мира не так далеко –
артефактом планеты, чудесным и подлинно странным,
неизменным тотемом лежит допотопный дракон.